

ХЭПШЕНИНГ В ВОСТОЧНОЙ ФЛАНДРИИ

Вера ИВАНОВА

Пароль: Гент. Отзыв, конечно: Уленшпигель. Значит, пепел Клааса, вечная юность, милая Неле, верный друг Ламме Гудзак. Все вместе — веселая мудрость, любовь, брюхо народа. Так читалось и помнится с детства. Скольким уже поколениям? Многие, наверно, за 125 лет «прошли Гентское восстание» по Шарлю де Костеру (книга написана в 1867-м). Автор расшифровывал прозвище героя как «ваше зеркало».

И мудрость, и легкость, и доброжелательность, и гастрономическое изобилие имеют прямое отношение к XVIII Международному кинофестивалю в Генте. Но зеркало, то есть экран, — главное.

Кинопрограмму составляли более ста полнометражных картин и около шестидесяти короткометражных. По сложившейся традиции, основной, фирменный раздел — «Музыка и кино». Отмечается лучшая музыка к фильму и лучший музыкальный фильм. Следующий — представление какой-то одной кинематографии. На этот раз в фокусе внимания была Испания. (На ближайшем будущем намечалось приглашение наших фильмов. Состоится ли оно? Наши — это чьи теперь?) Самая многочисленная часть — картины мирового репертуара последнего времени (год-полтора), не приобретенные бельгийскими дистрибуторами. На особом положении свои бельгийские фильмы — для них учрежден специальный приз Йозефа Плато, бельгийского предшественника Люмьеров. И, наконец, две небольшие ретроспективы — как выражение признательности, знак уважения (так они обозначены в каталоге): Франсиса Копполи и Кэрка Дугласа.

Почему-то члены Оргкомитета в предисловии к каталогу, подробно осветив принципы отбора, выразив благодарности оказавшим участие и поддержку, сочли нужным указать: «В любом случае кинофестиваль остается верным своему характеру: это не только фестиваль, но и хэппенинг».

Постепенно смысл проясняется: здесь хэппенинг понимают не по-нашему. В нашем воображении мелкая еда ли не заморочки, а они различают события-events и событие-happening. Из первых, как бы частных, без видимого напряжения, без ощущения тяжелой работы на плантациях, устраивают, складывают общее — праздник. «Маленькие» события, например, такие. Мирowego значения концерт киномузыки — выступление Майкла Наймана (в каталоге — биография, фильмография, фотография, состав оркестра). Водная кинофеерия. Ежедневные выступления пианиста-композитора-аранжировщика-импровизатора Ганса Ламала (естественно, имеются фото, рассказ, перечень наград и дипломов). Наконец, то есть на закрытии, — Седьмая ночь кино, художественно проведена которую специально пригласили Мишеля Леграна. (Как догадался В. Михалкович, одиннадцатую ночь назвали Седьмой шутя, играя — в знак полного отдыха от трудов по сотворению доброго дела.)

Седьмая ночь — восклицательный знак всего фестиваля. Честно говоря, я могла бы поставить его не меньше ста раз за четверо суток, проведенных в Генте. Все обстоятельства — места, времени и образа действия по неизвестным (тут вопреки знаку) причинам работают на пользу и удачу всем фестивалю службам.

Однако приехала я не без тайной мысли насчет пепла Клааса. Стучит ли? Не слышно. Значит, достучалось. Помнится, и Уленшпигель вспоминал о нем при острой боли. Возможно, действовали впечатления от самого города, его вид, ритм, одежда, пластика, говор, интонация. Но больше, наверно, просмотренная часть (и прочитанная программа в целом) фильмов фестиваля. В ней, что называется, «все есть». Звезды и дебютанты, фильмы, «о которых говорят», и вроде бы тихие гости гентского фестивального экрана.

Среди картин заметны «детские». Дети и ходили каждый день на сеансы в три и в пять, некоторые с родителями. До начала успевали столько стрескать конфет, сухариков, орешков,

Композитор Мишель Легран

соломок и прочих неопределимых душистых лакомств, что в зале создавалась спецатмосфера, просто букет имени безымянного детства. В первые же минуты дымка рассеивалась — вентиляция хорошая.

Восьмой день фестиваля был полностью отдан малолетним посетителям и подросткам. У всех на глазах театральная артистка превращалась в Чаплина. По ходу дела усми обзавелись желающие мальчики, а также некоторые девочки. Фойе гудело. Чуть ли не по головам ходили огромные Микки Маусы и прочие обожаемые персонажи. Следующий сеанс был «взрослее», что не помешало новой публике еще сильнее повысить процент потребления безалкогольных напитков на душу населения, но заставило другими глазами смотреть на экран. Показывали «Танец белых медведей» — дебют датского 28-летнего режиссера Биргера Ларсена («Lad isbjørnene dansen»). Поле, на котором выступил молодой кинематографист, насказов исполосовано чужими следами: развешаются родители, подросток оказывается в новой семье, не находит общего языка ни с мужем матери, ни с его дочерью; другой дом, другой общественный слой; оставлен-

«Последняя бабочка» (режиссер Карел Кахиня)

ный отец тоскует; отношения в новой школе не идут ни в какое сравнение с прежними и т. д. То есть исхожено все. Тем не менее дебютант не проиграл, поскольку всюду «чуть-чуть» добавил незнамого. Не исключено, что есть в этих «белых медведях» не открытый нам пласт содержания. Зато мы можем от себя пригнать такой груз восприятия, какой ни автору, ни буржуазным детям и не снился.

А в общем-то мир, видимо, хочет доброты. Во всяком случае, так хочется думать. В фильмах много детей. Счастливые, несчастные, смешные, страшные, трагические истории поверяются на смысл и правду присутствием безусловно органичного персонажа.

«Последняя бабочка» («The last butterfly») Карела Кахиня начинается вполне традиционно. Актер, всемирно знаменитый мим (бабочка — его коронный номер), слегка капризен, згонтричен и знать не хочет ни о фашизме, ни о борьбе с ним. Поскольку ничего нет важнее искусства. Кроме того, Антуан — француз и скоро уедет в Париж. За связь погибшей жены с подполковником Антуана хватает гестапо. Терзает, пытал и якобы выпускает с единственным условием, что перед отъездом в Париж он побывает в Терезине, поживет там недолго, даст в «еврейском раю» несколько концертов. Гестапо готовится принять в Терезине комиссию Красного Креста. Шныряющие повсюду жидята привели его в детский барак. Это и решило судьбу Антуана Моро, знаменитого мима. Он и сам выступил в назначенный срок и показал высоким гостям спектакль-пантомиму про то, как дети идут в печь и сгорают. Но это еще не последняя бабочка Антуана. Последняя его сценическая площадка — дощатый помост у вагона перед отправкой вместе с евреями в лагерь смерти.

Напомню, речь идет не о лучших фильмах фестиваля, а о тенденции, проявившейся как бы по собственной воле, то есть просто потому, что она есть и по-своему представляет мировой кинопроцесс. На Московском фестивале она тоже была заметна: главный приз получила картина о нивках, в которой особое внимание уделяется мальчику («Пегий пес, бегущий краем моря»).

Раз уж вспоминается наше, то вот еще ассоциация: норвежская картина «Делец» («Maker», режиссер Вибекке Локкеберг) начинается с хрестоматийно знакомого. Пока идут титры, с экрана звучит монолог «Люди, львы, орлы и куро-патки...». За что она получила в кинематике название «Чайка». Действие в ней отталкивается от банкротства. Отец семьи — неудачливый делец, вообще неудачник, что и обуславливает жизнь всех домохозяев. Но не он главный в истории, а две девочки — его дочь и племянница, терпящие бедствие от самых близких и любимых людей.

На особом положении, вне групп, была картина Майка Николса «Возвращение Генри» («Regarding Henry»). И тут девочка — помогающая отцу вернуться к жизни.

Вообще фильмов о детях и около детей я насчитала пятнадцать, может, сбилась в чем-то (чего не видела). Даже если каждый из них не перекрывает по яркости и значимости включенных в программу «взрослых» лент, то разве их набор — не знак тенденции? Ну, если не мирового кино, то культуры современной Фландрии?

Осеню в Генте было немало тех же картин, что в Москве летом. Но, оставив в стороне скользкую и уже замусоленную тему богатства (хотя бы потому, что его там в нос не тычут — даром не поят и хэппенингов по-нашему не устраивают), несколько слов о комфортности. По отношению к фильмам. Приехавший в Гент журналист чувствует себя вполне желанным гостем. Фильмы же здесь царствуют. Что, конечно, взаимосвязано и взаимовыгодно. Гентский кинофестиваль родился в 1974 году как затея студенчества. Вероятно, был лихим по юности. В 1991-м он показал свою высококачественную респектабельность.